

— Я не лгала, — отвѣчала дѣвушка.

Онъ усмѣхнулся.

— Но вы хотѣли быть моей женою, — сказалъ онъ.

— Я преувеличивала, — прошептала Варя.

Тутолмина передернуло.

— Вы *преувеличивали*? — язвительно и длинно протянулъ онъ: — съ которыхъ же поръ вамъ стало ясно это «преувеличеніе» — до его сіятельства, или послѣ?

Глаза дѣвушки гнѣвно засверкали. Она выпрямилась.

— Вы можете оскорблять меня, — произнесла она.

Тогда Илья Петровичъ склонился какъ подкошенный и безпомощно, истерически зарыдалъ. Невъяснимая тоска изобразилась въ лицѣ Вари. Она стремительно бросилась къ Тутолмину, и вдругъ какъ бы заохлодѣла вся и судорожно стиснула свои руки. — «Я не люблю васъ!» — повторила она твердо и выразительно.

Тогда онъ распространился въ мольбахъ. Онъ заклиналъ ее подумать, не дѣлать опрометчиваго шага подъ вліяніемъ случайнаго раздраженія, не возводить минутнаго настроенія на степень факта, безповоротно рѣшающаго судьбу... Онъ молилъ ее подождать, помедлить, онъ жадно прижималъ къ ея рукамъ, мокрымъ отъ его слезъ и холоднымъ; онъ называлъ ее милою, дорогою, радостью, счастьемъ, любовью... А она стояла нѣмая и недвижимая, какъ мраморъ, и съ тоскливымъ отчаяніемъ смотрѣла въ даль. Солнце подымалось. Косые его лучи бодро и весело пронизывали аллею. Березы стыдливо румянились. Въ рошѣ щебетали птицы, кропинки росы сверкали, какъ раздробленный хрусталь. Душистая прохлада расплывалась непрерывными волнами и ласково вѣяла ей въ лицо... А сердце ея не растворялось и въ головѣ бродила мгла.

— Ты не спиши, не надо спать, — говорилъ Тутолминъ голосомъ, поминутно прерывавшимся отъ волненія: — ты погоди... Ты всмотришься въ меня, моя красавица... Узнай меня поближе... Не обращай вниманія на эту проклятую шероховатость мою... Смотри ты глубже... Зачѣмъ же прельщаться лакомъ!.. Не забывай моей сущности... Не забывай идей, которыя я представляю... Пойми, что счастье твое только въ нихъ... Вѣдь, ты же не пойдешь, не можешь пойти по слѣдамъ Алексѣя Борисыча?.. Вѣдь, правда? Вѣдь не удовлетворять же тебя красивыя картинки?.. Счастье мое, родимая моя... О, скажи же мнѣ, скажи...

Варя тяжело вздохнула и съ грустью покачала головою.

— Что же я тебѣ скажу, — тихо произнесла она: — нечего